

УДК 17.03

НРАВСТВЕННАЯ НИЩЕТА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Воеводин А. П.

Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля

E-mail: voevodin.47@mail.ru

В статье критически рассматривается несовместимость концептов буржуазного индивидуализма и антропоцентризма с нормами социальной справедливости и общечеловеческой морали.

Ключевые слова: антропоцентризм, аморализм, индивидуализм, нравственность, разумный эгоизм, социоцентризм, утилитаризм.

Соотношения конечных вещей
с самими собой отрицательные...
они гонят себя дальше себя, дальше своего бытия...
Истиной этого бытия служит их конец.
(Г.-В.-Ф. Гегель. Наука логики. [1, с. 192].)

Любая конечная вещь рано или поздно покидает подмостки бытия. Те же самые закономерности, которые способствовали ее появлению, утверждению и расцвету на сцене мировой истории с такой же неизбежностью и неотвратимостью ведут ее к гибели. Со времен Гераклита, учившего, что добро и зло, рождение и смерть «ходят парами», этот тезис является аксиомой европейской философии и диалектического мышления. В формулировке Гегеля истинное бытие конечной вещи изначально содержит зародыш своего собственного прехождения, как свое внутри-себя-бытие. Закон самоотрицания непреложно действует во всех сферах материального и духовного бытия. Но странным образом некоторые значительные философские идеи в процессе социального опредмечивания трансформируются в идеологические клише и приобретают канонический статус политических лозунгов, с которыми по-прежнему идут в политические сражения, несмотря на то, что их время истекло и ничего, кроме ухудшения условий жизни миллиардов людей они принести не могут. Приходит черед критической переоценки замшелых в абстракции смыслов и переосмысление их действительной социальной значимости в соответствии с конкретными требованиями реалий современного общества.

Тем более что состояние последнего выглядит не очень-то оптимистично. Разрушение социалистических государств на фоне отсутствия перспективных социальных проектов, ярких общественных и антропологических идеалов, непрекращающаяся экономическая рецессия, общая стагнация образования и культуры, их подмена симулякрами нескончаемых сериалов массмедиа и шоу культурных индустрий, тотальное засилье в массовом сознании псевдонаучной мифологии и паранаучных представлений уфологии, астрологии, креационизма и финализма, всепланетно-публичное смакование эмоций отчаяния и страха в ожидании «очередного» пришествия «конца света» неизбежно сопровождается тотальным «кризисом человечности» и свидетельствует не только о социально-экономической и нравственной несостоятельности, но также и о теоретической

неадекватности эксплуатируемых концептов общества и человека. Глобализация кризисных явлений, непрерывная экспансия так называемых «революций», а в сущности, государственных переворотов, чрезвычайно обострили теоретическую рефлексию «вечных» философских проблем. Не случайно, со второй половины прошлого столетия антропологическая проблематика прочно занимает центральное место в современных научных исследованиях. В философии теоретическое внимание также сместилось к центральному понятию современной Картины мира – Человеку, а через него и к доминирующему мировоззренческому постулату всей Новоевропейской культуры – концепту антропоцентризма.

Как мировоззренческий принцип, как сущностно неустранимый конструктивный концепт буржуазной Картины мира антропоцентризм создает и практически реализует специфический взгляд на мир, в соответствии с которым буржуазно понятый человек занимает центральное положение в мире. В идеологическом смысле сказанное представляет собой политическую программу, целью которой является утверждение права бюргера (пополана, филистера, мещанина) самостоятельно устраивать свою судьбу, то есть реализовывать проект эгоистической замкнутости индивида на самого себя и замыкания мира на себя. Иронически говоря, это такая тотально пошлая эгоистическая озабоченность индивида самим собой, которую следовало бы обозначить таким сочным, но не вполне теоретическим термином как «центроупукизм». Именно подобный мировоззренческий принцип в качестве превратно понятой «общечеловеческой ценности» был противопоставлен Горбачевым М. С. в качестве альтернативы пролетарскому коллективизму и коммунистическим нравственным идеалам «нового человека». Именно под знаменем освящаемого антропоцентризмом ненасытного потребительского вождения и самодовольно-воинствующей вседозволенности был совершен буржуазный контрреволюционный переворот и попоран опыт коллективной социальной жизни и нравственных ожиданий миллионов людей.

Однако то, что современному обывателю, как впрочем, и многим теоретикам, кажется единственно возможной институциональной матрицей практического построения и теоретического объяснения образа человеческой жизни вовсе не обосновывает единственность такого мировоззрения и не исчерпывает возможностей иного способа существования человека и общества. В мифологических картинах мира первобытных людей и даже в теоретических изысканиях древних греков человек вовсе не занимает центрального места, а находится на периферии космоцентрической картины, подчинен космическому мировому порядку, законам объективной симметрии, противостоящей субъективной эвритмии. Подлинное индивидуальное бытие человека как микрокосма греками мыслилось в образе пайдеи – самоотверженных усилий по преодолению внутреннего хаоса на пути к гармонически-космической организации собственного существования и взаимодействия человека с космическим целым. Закономерным следствием самоотрицания такой формы индивидуации явилось стремление к эвритмии, с доминированием которой греческая культура лишается объективного стержня, цементирующего мировоззрение и образ жизни древних греков, наступает эпоха эллинизма – эпоха своеволия, кризиса, декаданса и упадка греческой культуры. Даже Протагор, с его знаменитым тезисом «Человек есть мера всех вещей», не является основателем, а тем более выразителем идей

антропоцентризма, поскольку у него нет уважения и пиетета к человеку, но лишь парадоксальным образом акцентируются крайности основанной на эвритмии релятивистской картины мира и проистекающие из нее чудовищные последствия вакханалии субъективизма и произвола в политике, морали, познании, искусстве, религии и пр. Логическое завершение и практическое подтверждение наставлений софистов демонстрирует естественный социальный эксперимент не знающих никаких нравственных ограничений киников, с их агрессивным аморализмом и демонстративным попранием всех норм человечности.

Иногда в качестве первоисточника антропоцентризма ссылаются на Библию [2]. Однако трудно согласиться с такими необоснованными заявлениями, особенно если конкретизировать вопрос, – какой *тип человека* представлен в Библии? Антропологический подход в культурологии предлагает рассматривать человека в историческом контексте артефактов, технические условия использования и функционального обслуживания которых определяют необходимый набор человеческих умений и качеств, совокупность которых, в свою очередь, задает требуемый стандарт человека, образ которого креативно опредмечивается в соответствующих социально-экономических, мировоззренческих, образовательных и культурно-стилевых художественных системах. Первобытному обществу соответствует человек коллективного сознания и коллективной традиции, древневосточным деспотиям, как полагает Сапронов П. А., – царь-жрец и раб, древнегреческому – герой, раб и умеренный (срединный) человек, древнеримскому – волевой и целеустремленный гедонист, средневековому – человек веры и служения, ренессансу – всесторонне развитый титан-индивидуалист, барокко культивирует драматизм страстолюбия, классицизм – дворянина как человека долга, просвещение – умеренного бюргера, способного во всем себя ограничить, романтизм открыл трагическую несовместимость иницируемой капитализмом человеческой оригинальности и кастовой замшелости феодальных отношений и т. п. На этом фоне Библию трудно отнести к источникам антропоцентризма, поскольку она по замыслу и функциональной сути своей скорее является инструментом утверждения идеологии «тео-», а точнее «христоцентризма» и призвана формировать рабское послушание в людях. Главный герой Библии – Христос, в образе которого Бог принял облик человека, чтобы показать всем людям необходимость и способ преодоления изначальной человеческой греховности путем покаяния своей телесно-человеческой природы. В Библии человек определяется как «рожденная во грехе тварь», у которой есть только один путь – путь спасения, обожения и святости, путь уничтожения человеческой самостоятельности и гордыни, путь унификации и забвения разноликости перед Господом, создателем и повелителем всех тварей на Земле. Человек Библии сформулирован как отягощенная грехом тварная копия или подобие Бога, который трансцендентно предзадан и независимо от собственно человеческих экзистенциальных усилий определяет человеку его земную судьбу и место в потустороннем мире. Подобно Сизифу человек Библии обречен на вечные муки в преодолении своей тварной и греховной природы. В отличие от идеалов антропоцентризма библейское понимание активности человека строится не на свободном и самостоятельном выборе, ответственности и самопожертвовании, а на послушании и страхе божественного отмщения. Человек Библии – это человек веры, фанатик, готовый

растерзать каждого, кто не следует устанавливаемым ею канонам. История переполнена конкретными примерами человеческих унижений, костров инквизиции, крестовых походов и религиозных войн, в которых были пролиты реки человеческой крови всех тех, кто не соответствовал заветам Библии. Как идеологический канон и «машина веры» Библия исключает разум, самостоятельное мышление, теоретическое и естественнонаучное знание, т.е. исключительно человеческие способности. А поскольку индивидуально-психологическое состояние и переживание веры не постоянно, то веры надо «держаться», чтобы не разувериться, ибо вера опирается не на фактические доказательства или логические доводы разума, а на ритуал, магию и чудо. Поэтому в дополнение к Библии строится храм, как институциональная матрица и эстетическая машина веры, а также церковь, как бюрократический институт, который экономически приватизирует и эксплуатирует веру, а посредством веры – ее носителей, конкретных людей. Из сказанного следует, что христианству в целом антропоцентризм ни к чему, ибо он закладывает семена сомнения, непослушания, самостоятельности, гордыни, независимости от церкви и поиска способов выхода из веры.

Идеологическое содержание антропоцентризма противоположно христианской идеологии. Нравственно-гуманистическое и политически-правовое обоснование антропоцентризма оформляется в длительной кровопролитной борьбе с теоцентризмом, как противопоставление ему и отрицание христианской трактовки сущности и места человека в мире. Антропоцентризм изначально выступает в качестве революционного лозунга в противопоставлении Человека Богу, как жажда человеческой независимости и свободы, как единственно возможный путь освобождения от ригоризма христианского мировоззрения и оправдания человеческого права на самоутверждение в его земной жизни.

Исторически антропоцентризм появился задолго до своего рационального осознания и теоретико-публичного выражения в соответствующих трактатах. Фактические примеры организации социума на основе принципов антропоцентризма впервые обнаруживаются с возникновением государства и политики, как формы управления развитием общества с помощью организованного насилия. Первоначальные проявления антропоцентризма были эпизодическими вкраплениями на фоне традиционно-общинного уклада жизни и выражали зарождающиеся интенции индивидуализма и своеволия немногих избранных. С накоплением общественного богатства и повышением производительности общественного труда появляется возможность и необходимость разрыва с традицией и самостоятельной индивидуальной организацией собственной жизни для всех членов общества. Социальная рефлексия открывающихся возможностей теоретически оформляется в рамках идеологии гуманизма, в которой впервые встречаются и синтезируются античные идеи человеческой гармонии и римского сладострастия с христианской темой творения под лозунгом «Человек – творец самого себя».

Концептуальными теоретиками антропоцентризма по праву считаются итальянские гуманисты – «кабинетные ученые» и деятели искусств Возрождения – которые были на содержании толстосумов и потратили свой талант на утверждение права богатых не отдавать церкви свои богатства, а тратить их на удовлетворение

земных (телесных) удовольствий. И хотя гуманисты к этому прямо не призывали, их личная и публичная жизнь в эпоху итальянского Возрождения была демонстративным вызовом Христианской идеологии, ярким социокультурным экспериментом по практическому воплощению идей «самообожествления» и направленности человека на самого себя (подробнее см. Лосев А. Ф. – «Обратная сторона титанизма» в кн. «Эстетика Возрождения») [3]. На деле же, под знаменами буржуазного гуманизма впервые теоретически обосновывался принцип тотальности индивидуализма в организации совместной жизни людей: индивид должен жить для себя, он есть высшая ценность и мера в мире; личный интерес индивида состоит в удовлетворении своих страстей. Подтверждением могут служить примеры нескончаемого смакования всех известных человеческих удовольствий, начиная с работ Боккаччо, Рабле, Чосера и заканчивая современными акциями Femen и Pussy Riot. За всеми этими потугами в обретении личной свободы угадывается дьявольская ухмылка капризов своеволия, своекорыстия, вседозволенности и разнузданности страстей.

Утверждая аморализм, снятие запретов и ограничений, антропоцентризм фактически освящает возврат человека в эпоху дикости и людоедства. История социо-, культуро- и антропогенеза свидетельствует, что человек появился из табу, запретов на животные инстинкты, в процессе их коллективного преобразования посредством трудовой целесообразной деятельности и придания им культурной (человеческой) формы. Вопреки псевдонаучным представлениям о человеке как животном (индивидуальном теле) человек есть результат социальной, а не биологической эволюции. Искусственность человека как социального существа состоит в коллективно-практическом преобразовании биологических потребностей в социально контролируемые формы движения. Аристотель указывал, что моральные нормы, могут формулироваться только как запретительные. Посредством запретов животных инстинктов мораль формирует собственно человеческое, надприродное пространство. Снятие же запретов означает социальную и культурную деградацию, обратное возвращение в животное состояние.

Нравственное содержание антропоцентризма парадоксально бедно, служит разрушению всех социальных и нравственных обязательств индивида ради утверждаемого им примата права на личное счастье любой ценой. Если религиозный смысл жизни отдельного человека состоит в служении Господу и неукоснительном соблюдении его заветов, а его репликой в светской жизни была рыцарская мораль – верность сюзерену, ответственность, служение, честь, долг, то приходящая им на смену «антропоцентристская мораль» утверждает освобождение от всех социальных обязательств ради личной свободы индивида. В соответствии с ренессансными идеалами антропоцентризма смысл жизни состоит в утехе, в ненасытном потребительстве, в услаждении себя любимого. Опасность такого идеала человека была осознана уже в низком мифе Возрождения и трагедиях Шекспира. Не случайно, вся последующая история европейской культуры (реформация, классицизм, просвещение) занята поисками механизмов ограничения выпестованного Возрождением воинствующего индивидуализма в концепциях «разумного эгоизма».

Момент самобытия человека действительно обнаруживается в страстях. Но если в обычном психофизиологическом проявлении они имеют служебные оценочно-стимулирующие функции, а их социальные проявления регламентируются специальными нормами и запретами, то антропоцентризм удовлетворение страстей превращает в самоцель. Все страсти, прямо или опосредованно, ведут к одному источнику и самоцели – своекорыстию и себялюбию. Любя себя и добиваясь для себя корысти, человек обнаруживает и осуществляет собственную индивидуальность. В этом не было бы ничего плохого, если бы эта индивидуальность была направлена на служение обществу, другим людям. Но исконная сущность антропоцентризма состоит в том, что любовь каждого обращена к самому себе и только в этом акте страсти индивид обнаруживает свое уникальное, неповторимое и единственное бытие. Центропупкизм акцентирует солипсистское ощущение точечности существования, самоутверждение и самопревознесение индивидуального бытия. Поскольку же люди в основной своей массе не обладают отчетливо выраженной индивидуальностью, а требование иметь собственный имидж и быть индивидуальностью диктуется буржуазной конкуренцией («пусть победит сильнейший») и провозглашается в качестве вознаграждаемой социальной нормы («победитель забирает все»), то индивид начинает «списывать», то есть завидовать и подражать чужому успеху, чужой индивидуальности, жаждет присвоить и пережить не принадлежащие ему почести, славу, богатство, уважение окружающих. Именно подражать, но вовсе не самостоятельным напряжением сил создавать себя и мир вокруг себя заново, только не собственным трудовым подвигом в служении обществу и другим людям, в котором только и обнаруживается подлинно человеческая, а не внешне выраженная индивидуальность.

Индивидуализм – это личная обращенность человека к самому себе, непрерывно длящееся удовлетворение себялюбия и корыстолюбия, превращающееся все, с чем сталкивается индивид в средство личного насыщения. Но индивид живет в обществе, среди других индивидов, а поскольку средств для удовлетворения интересов всегда меньше, чем самих интересов, то интересы людей неизбежно сталкиваются, что порождает насильственно-правовые формы их регулирования. Конфликт интересов – норма для существования политически организованного общества. Формула Гоббса – «война всех против всех» – является неизбежным результатом идеологии антропоцентризма и индивидуализма. Удовлетворение интересов возможно двояким путем: либо вступив в схватку с обладателями конкурирующих интересов, к чему не все люди готовы, либо сознательно ограничив свой личный интерес. Согласно «теории разумного эгоизма» правильно понятый личный интерес индивида (его польза) состоит в том, чтобы не препятствовать счастью другого: «моя свобода должна заканчиваться у кончика носа другого индивида». Поэтому сознательное ограничение желаний – ключевая нота идеала человека эпохи Просвещения: если идеал Возрождения – ничем не ограниченный индивидуализм, то идеал Просвещения – человек, который может себя во всем ограничить. Это эгоистический идеал мещанина или Пошлости, утверждающейся как скучная норма сытой, размеренной, лишенной беспокойства буржуазной жизни.

Проблема разума в регулировании нравственного поведения людей является центральной для этики и антропологии в целом. Не случайно философия родилась в попытках ответить на вопрос – как быть счастливым? Первоначальный ответ был очевиден – нужно стремиться к удовольствиям и избегать неудовольствий, для чего нужно быть философом или много знать, чтобы достичь желаемых удовольствий. Но как быть с вредными удовольствиями и полезными неудовольствиями, чувством стыда, вины, состраданием? В ответ греки (Демокрит) создали «этику благоразумия», в которой разум сдерживает страсти и определяет выбор удовольствия. Эпикур и стоики развили идею разумного самоограничения, которая в христианстве приобрела норму абсолютного запрета на телесные наслаждения и поставила разум на службу вере. Антропоцентризм же отбросил все нравственные ограничения разума и, напротив, поставил разум на службу утехам и своекорыстию индивида. В теориях утилитаризма «естественный человек» рассматривается как наделенное разумом животное, у которого имеется врожденное стремление к сытости, а разум является инструментом для обслуживания тела и удовлетворения страстей. Другие индивиды также рассматриваются в качестве средства удовлетворения личных интересов. Разум помогает составить калькуляцию их использования с наибольшей эффективностью, в том числе и с использованием разумного самоограничения. Таким образом, идеал буржуазного гуманизма – «индивидуализм плюс филантропия» не может быть полностью нравственным, поскольку противоречит главному требованию морали – добровольному самопожертвованию своим счастьем ради удовлетворения интересов и счастья других людей. Будучи функцией от политики, антропоцентризм, как ведущий принцип буржуазной морали, утверждает индивидуализм и неравенство в отношениях между людьми, освящает эксплуатацию и насилие, оправдывает «легитимность» политической организации и управления обществом, построенного на организованном насилии.

Подлинная мораль и устройство общества на нравственных, а не политических началах возможны только в условиях социотризма [4]., когда люди не рассматриваются в качестве средства достижения личных целей. Беда современной философской антропологии и культурологии в том, что они по-прежнему рассматривают человека в традиционных просвещенческих эпистемологических традициях, как противопоставленного миру одинокого субъекта (гносеологического Робинзона), в то время, как со времен Маркса известно, что человек не сводится к индивидуальному, созерцающему мир телу, это существо коллективное и социально-практическое. И если в условиях машинного и индустриального общества индивид рассматривается в качестве субъекта, активного приложения к инструкции, запускающего и обслуживающего действие прибора, машины, любого иного артефакта или орудия труда, то подобное отношение автоматически распространяется и на инструментальное отношение к «другому», что особенно наглядно в дисциплинарной европейской педагогике. Выход диктуется самой жизнью. Основанное на автоматизированном производстве информационное общество позволяет относиться к индивиду как цели, по-человечески, благодаря чему коллективистские формы морали создают условия, в которых «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – В 3-х томах. – Т. 1. – М. : «Мысль», 1970. – С. 192.
2. Чікарська М. Ю. Біблійний антропоцентризм та його роль в установленні європейської культури / М. Ю. Чікарська – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2010. – 310 с.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М. : «Мысль», 1978. – С. 120-138.
4. Воеводин А. П. SUBSTANTIA HUMANA / А. П. Воеводин // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – Том 24 (65), 2013. – № 1-2. – С. 3-16.

Воеводин О. П. Моральнісна хибність антропоцентризму / О. П. Воеводин // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2013. – Т. 24 (65), – № 3. – С. 80-87.

У статті критично розглядається несумісність концептів буржуазного індивідуалізму та антропоцентризму до норм соціальної справедливості й загальнолюдської моралі.

Ключові слова: антропоцентризм, аморалізм, індивідуалізм, моральність, розумний егоїзм, соціоцентризм, утилітаризм.

Voevodin A. P. Anthropocentric moral poverty / A. P. Voevodin // Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. – Series: Philosophy. Culturology. Political Sciences. Sociology. – 2013. – Vol. 24 (65), – No 3. – P. 80-87.

The article criticized by the incompatibility of concepts of bourgeois individualism and anthropocentrism to the norms of social justice and human morality.

Keywords: anthropocentrism, immorality, individualism, morality, rational egoism, sociocentrism, utilitarianism.